

ПРОЛОГ

Этот кошмар обрушился на нас так внезапно, что я уже и не помню, когда и с чего все началось. Я не помню, чтобы видела, как изменился сигнал светофора, не помню, что ногой нажала на педаль газа. Не помню, проснулась и заерзала ли малышка или ее снова сморил сон. Не помню, какую детскую песенку Бобби напевал себе под нос с полным ртом пористого шоколада *Milkybar*. Но я помню страх, обжигающий ужас, словно суперклеем приклеенный к моему разуму. На самом деле это произошло за долю секунды, но в моем воображении все разворачивалось словно в замедленной съемке.

Мой крик ужаса потонул в пронзительном визжании тормозов, когда я попыталась остановить машину. Столкновение было столь внезапным, что мозг не успевал выхватывать картинки, молнией пронесившиеся у меня перед глазами. Яростный стук сердца, бьющегося о мою грудную клетку, почти доставлял мне боль.

Машину занесло, это я знала, но понятия не имела, в каком направлении. Я неслась со скоростью, которой мой автомобиль доселе не видел. Упорядоченная жизнь переполненных улочек остановилась, ведь прохожие, не веря своим глазам, затаили дыхание. Деревья, фонари и светофоры смешались в беспорядочный цветной клубок, приближаясь на всей скорости к лобовому стеклу. Все это напоминало сцену из голливудского боевика, вот только вместо манекенов в машине находились реальные люди. Они еще совсем дети. И я ничего не могу поделать, чтобы помочь им.

Я почувствовала боль от давления, и это заставило меня закрыть глаза: внешний мир превратился в чистый лист. То, как перевернулась моя машина, когда колесо с водительской стороны налетело на бортик тротуара, я уверена, послужило захватывающим дух крещендо для стоящих вокруг очевидцев, что были не в силах помочь. Ремень безопасности выбил воздух из легких в попытках спасти мне жизнь. Мое прикованное к водительскому креслу тело болталось из стороны в сторону, словно тряпичная кукла в зубах разъяренной собаки. На какой-то миг я представила, что это не я нахожусь в машине. Что я просто случайная покупательница, ставшая свидетельницей жуткой аварии и надеющаяся, что никто не пострадает, но все это время подозревающая, что спастись невозможно.

Внезапно со стороны пассажирского сиденья раздался яростный удар, и крики затихли. А затем, так же быстро, как и началось, все было кончено. Всего несколько секунд оставили отпечаток навечно. Ничто уже никогда не будет прежним. Все вокруг стало неподвижным и ужасающе безмолвным, когда мой разум оказался заперт внутри моего безвольного тела. Может, люди поспешили на помощь, а может, никто не подошел. Я не знаю. Я знаю лишь, что в тот момент перестала бороться за свою жизнь. В тот момент я перестала быть собой.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Что ж, на небесах отстойно... и здесь воняет. Довольно уникальный запах: неприятная смесь переваренного картофельного пюре и какого-то антибактериального очищающего средства. Я всегда считала, что на небесах все вокруг белое и пушистое, а на каждом втором облачке восседают облаченные в безразмерные белые одеяния арфисты. Я ожидала классическую музыку и яркий пронизывающий свет согласно распространенным клише, но здесь темно, хоть глаз выколи. Может, Земля и Небо живут в разных часовых поясах и я прибыла к жемчужным вратам посреди ночи по центральному небесному времени?

А может, я в аду, но опять-таки я уверена, что здесь должно быть хоть какое-то движение, а не просто крошечная тьма. Ритуальные песнопения вокруг кратера, наполненного огнем, или обжигающие красные языки пламени смогли бы меня убедить. Может, дьявол потерял свой трезубец и все заняты его поисками? А как только он будет найден, начнется адское представление?

Несколько минут спустя, все еще находясь на границе реальности, где компанию мне составляют исключительно мои мысли, я понимаю, что решительно обескуражена. Не могу поверить, что потратила все детские годы, боясь призраков, а теперь, когда жажду увидеть парящее над землей привидение, не могу найти ни одного.

Я решаю, что раз я не на небесах и не в аду, то, возможно, мне предстоит долгое ожидание в лимбе¹. Возможно, Бог и дьявол сейчас заседают в огромном конференц-зале и ведут серьезный спор высших существ о том, кому достанется моя вечная душа. Наверное, меня могут вызвать на ковер в любую минуту и состоится мое последнее собеседование. Мне определенно стоило слушать повнимательнее, когда начальник отдела кадров в последний раз толкал мотивационную речь по личностному росту перед моим отделом.

Прежде чем я окончательно теряю терпение, до меня доходит. *О черт, черт, черт!* Что, если я в морге? Я слышала о таком: это показывают в разных странных реалити-шоу по телику, не так ли? Когда все думают, что ты мертв, но ты жив и, напуганный, просыпаешься рядом с окружающими тебя трупами. Теперь я и впрямь напугана. Осталось только выяснить, как проснуться. Я бы закатила глаза, если бы могла. Я перешла от райского блаженства к изоляции в морге за один мыслительный подход. Может, я просто схожу с ума?

И вот оно... лучшее на данный момент объяснение. Очевидно, я нахожусь в психиатрической больнице и меня накачали таблетками, чтобы я не смогла себе навредить. Неудивительно, что я не могу пошевелиться: моя смиренная рубашка затянута слишком туго.

Ой, Лаура, брось. Возьми себя в руки. Прекрасно, просто прекрасно. Я начала разговаривать сама с собой. Это все еще считается первым признаком сумасшествия? Ну вот, теперь я задаю вопросы сама себе. *Какого черта?* Я все глубже зарываюсь в свой крошечный пузырь безумия. Я бы дала себе пощечину, если бы сумела выяснить, как пошевелить рукой. Ладно, мне и впрямь стоит забыть о подобных мыслях. Иначе, если я еще не в дурке, то скоро точно там окажусь.

¹ Лимб — в средневековом богословии место пребывания не попавших ни в рай, ни в ад душ (не путать с чистилищем). — *Здесь и далее прим. пер.*

Усиливающийся запах моющего средства отвлекает от очень глубокого анализа моего текущего местоположения. Запах мне знаком, но я не могу припомнить, откуда именно его знаю. Я с раздражением понимаю, что вокруг меня стоят люди. Эти люди толкают и тянут мое тело в разные стороны, позволяя себе грубо меня игнорировать. Я так злюсь на себя. Я просто хочу удержаться в сознании достаточно долго, чтобы понять, что же происходит. И наконец я узнаю этот запах. Если я в больнице, значит, я все еще жива. А затем меня накрывает жутчайшее осознание. *Дети? Что с детьми?*

В моей памяти проносится авария, и в нос ударяет запах горячей резины. Где малыши? Мое сердце сжимается от страха. Последнее, что я помню, — оглушающая тишина, которую должны были заполнять крики детей. Я не могу этого вынести. Мне нужно выбраться отсюда.

Я знаю, что почти все говорят, что не любят больницы. В конце концов, здесь отчетливо пахнет лекарствами, полно жутких инструментов, напоминающих приспособления для пыток, и они служат непрошеным напоминанием о конечности нашей собственной жизни. Но я не знаю никого, кто ненавидел бы их сильнее меня. Я дышу с трудом: меня терзают собственные мысли. Мне. Нужно. Выбраться. Отсюда.

Руки и ноги все еще отказываются двигаться. Каждая частичка моего тела абсолютно лишена жизни. Я чувствую, как меня захлестывает волна жалости к себе, а истерика, накатывающаяся вслед за ней, настолько невыносима, что причиняет физическую боль. И я кричу. Я просто даю выход эмоциям. Я не смогу жить так, не смогу быть разумом, заточенным в безжизненном теле. Я сойду с ума — уже сошла. Мне необходимо быть нормальной. Мне нужно заботиться о детях. Я знаю, что у меня есть дети, о которых нужно заботиться, ведь я не готова к тому, чтобы думать иначе, — не могу допустить эти мысли даже на секунду.

Мне нужно успокоиться. Если я буду орать, словно банши¹, которую затащило в фен, то испугаю других пациентов. Но если я кричу так громко, то почему ничего не слышу? Либо я оглохла, либо из моего рта не вырывается ни звука. Несколько мгновений я лежу очень тихо. В комнате стоит зловещая тишина, прерываемая лишь периодическим пиканьем какого-то монитора. *Куда все подевались? Какая разница?* По крайней мере я знаю, что слух все еще при мне. Теперь мне осталось только смириться с осознанием того, что я не только не могу пошевелиться, но не могу и говорить. Я капуста. *Долбаная капуста*. Так нечестно.

Должно быть, я снова провалилась в сон, потому что мне показалось, что прошло несколько часов, прежде чем я наконец-то снова услышала голоса. На этот раз я узнала голос. Низкий, почти шепот. Это Марк. Он говорит обрывками фраз, и я не могу разобрать, что он хочет сказать, но я рада уже тому, что слышу его голос. Я знаю, что он плачет, и мне очень хочется дотронуться до него и сказать, что все будет хорошо. Но так я, наверное, соврну нам обоим. Чем дольше я лежу без движения, тем хуже прогноз. Уж этому-то моя любовь к просмотру повторов «Скорой помощи»² субботним утром меня научила.

Вскоре я понимаю, что Марк говорит не со мной. Он обсуждает мое состояние с врачом. Кажется, они наклоняются ближе ко мне, и я силюсь собрать воедино сваленные в кучу обрывки их разговора. Голос Марка становится обеспокоенным и раздраженным, что на него не похоже. *Может, он узнал нечто ужасное о моем состоянии?*

— Мне очень жаль, Марк, но ваша жена потеряла ребенка.

¹ Банши — ирландское чудовище, девушка, которая своими криками предвещает скорую кончину.

² «Скорая помощь» — американский сериал о жизни приемного отделения чикагской больницы.

Мое сердце буквально перестает стучать. *Не-е-е-ет*, снова кричу я без звука и без движения. *Только не Кэти. Пожалуйста, только не моя хорошенькая маленькая девочка!* Я умоляю Господа забрать мою жизнь вместо ее.

— О боже, нет! — говорит Марк. — Вы можете что-то сделать? Хоть что-то? Пожалуйста!

— Мне очень-очень жаль, мистер Кавана. Ребенок был запланированным?

— Нет. Не особо. Все сложно, — тяжело вздыхает Марк.

— К несчастью, беременность вызвала осложнения, и нам, несмотря на все наши усилия, с трудом удалось остановить кровотечение.

— И... — едва шепчет Марк.

Доктор не отвечает, и на какой-то миг становится очень тихо. Марк мотает головой или делает еще какой-то жест, я не знаю. Но если можно слышать боль, то это, определенно, именно то, что я слышу.

— Лаура будет просто раздавлена, — говорит Марк, внезапно нарушая тишину. — Она не сможет справиться с этим, учитывая все остальное.

Беременность? Я чувствую щемящую боль от потери чего-то, чего еще даже не имела. Я чувствую боль в голосе Марка. С моей стороны чертовски эгоистично заставлять его проходить через все это.

А затем грудь перестает сдавливать, и я понимаю, что она поднимается и опускается от моего дыхания. Они говорят о ранних сроках беременности — они говорят не о малышке Кэти. Разумеется, меня ранят эти новости, но вместе с тем я испытываю и чувство вины. Вины за то, что ощущаю такое облегчение. Облегчение оттого, что это не Кэти. *Это не моя малышка.*

— Возможно, ваша жена страдает депрессией. Это не редкость. Происходило ли в вашей жизни что-то, что могло вызвать у нее стресс?

Меня возмущает заносчивость врача. У него нет никакого права делать выводы обо мне и моей жизни. Он меня не знает. Не знает Марк. Я пытаюсь сосредоточиться, но не слышу, что отвечает Марк.

— Мы работали вместе с полицейскими на месте происшествия, и предполагается, что ваша жена тронулась с места на высокой скорости на красный свет светофора, — говорит доктор, прочистив горло сухим, неприятным покашливанием.

Я потрясена его обвинениями. *Он предполагает, что я спровоцировала аварию намеренно?* Интересно, покажет ли монитор, что у меня повысилось кровяное давление?

— Была ли Лаура обеспокоена по поводу беременности и предстоящих родов?

В чем проблема этого парня? *«Марк, не позволяй ему пробивать брешь в наших отношениях. Дай ему отпор»*, — молча молю я. Я умоляю, чтобы мои руки пошевелились. Я так отчаянно хочу дотронуться до своего мужа. Подать ему знак, что я здесь. Я все еще здесь, просто заперта внутри своего дурацкого тела, и оно отказывается со мной сотрудничать. Но Марк молчит. Он стоит достаточно близко ко мне, чтобы я чувствовала тепло его тела, но при этом он так далеко. Слишком далеко. Я чувствую пустоту пропасти между нами. *Должно быть, его это убивает.*

Пропасть между нами растет и растет. Марк уходит, и у меня нет ни малейшей возможности попросить его вернуться. Мое сердце рвется на части, и я не могу ничего с этим поделать.

Проходят дни, может, даже недели. Мне трудно следить за временем. Трудно отличить день от ночи. Периодически на меня волнами накатывает глубокий сон, не позволяя мне полностью просыпаться. Я подозреваю, что ночь наступает, когда Марк покидает свой пост у моей постели и возвращается домой в надежде урвать немного сна и привести дела в порядок. И я остаюсь наедине со своими утомительными

мыслями на следующие двенадцать часов. Я с нетерпением жду его возвращения: жду, когда он снова будет нашептывать мне на ухо о счастливых воспоминаниях и планах на будущее целый день в ожидании, что я отвечу.

— Пока, принцесса! Я приготовил для тебя сюрприз на завтра, — шепчет Марк, наклоняясь, чтобы поцеловать меня.

На секунду мне кажется, что я смогу почувствовать его губы у себя на лбу, но из-за пузырьков восторга, взрывающихся у меня в животе, кружится голова и трудно сосредоточиться. *Сюрприз?* Может, он приведет детей навестить меня? *Боже, как же я по ним соскучилась!*

Господи, Марк, обязательно было пускать газы в такой момент? *Фу, фу!* Ты снова ел в буфете, не так ли? Только больничная еда может так действовать на пищеварение. Куда ты уходишь? Не смей уходить и оставлять меня наедине с этим запахом! *Марк?! Марк?!*

ГЛАВА ВТОРАЯ

Когда Марк предлагает сойти с автобуса на остановку раньше и прогуляться до его дома, я с радостью соглашаюсь. У меня есть подозрения, что по пути он попытается меня поцеловать. По крайней мере, я на это надеюсь. Однако если бы я знала, что последняя остановка находится примерно в тридцати миллионах километров от его дома, я бы решила перенести это событие на другой раз.

Натерев мозоли и все же не получив позже романтического поцелуя, я решаю, что с меня хватит. Моя рука становится раздражающе липкой, что возможно лишь в том случае, если ты слишком крепко держишь кого-то за руку во время до боли неловкого разговора. Если мы не отпустим друг друга в ближайшее время, нам грозят потные ладошки. Пришло время прибегнуть к старому проверенному способу и притвориться, что мне что-то попало в глаз.

Когда Марк заглядывает в мои густо накрашенные тушью глаза, я отчаянно жую свою мятную жвачку и готовлюсь к сказочному поцелую, о котором мечтают все подростки. Я ждала своего момента шестнадцать лет и знаю, что это будет великолепно.

★ ★ ★

Но как только я вытягиваю губы для поцелуя, жалящий укол иголки в правой руке грубо возвращает меня к реальности. Я снова оказываюсь в больничной палате четырнадцатой.

цать лет спустя после того волшебного поцелуя, за которым последовало множество других изумительных поцелуев. Сотни счастливых воспоминаний заполняют мои мысли: Марк, день нашей свадьбы, я узнаю, что стану мамой, что мы станем семьей. У меня сжимается сердце. *Что, если я никогда не проснусь? Что, если эти четырнадцать лет — это все, что у меня есть, и теперь мое время вышло? Что, если нам с Марком не суждено состариться вместе и я никогда не испытаю той радости, которую чувствуешь, наблюдая за тем, как растут твои дети?*

Меня застает врасплох топот пронсящих мимо ног. Я так привыкла к тому, что все вокруг меня ходят на цыпочках, что малейшее движение становится для меня захватывающим событием. Уже через несколько секунд до меня доходит реальность происходящего. Доктора и медсестры не просто так решили устроить кросс: кто-то в беде и ему немедленно понадобилась помощь. Я сочувствую пациенту, конечно, сочувствую. Я ведь еще не совсем превратилась в камень, хотя в некоторые дни это становится все труднее... но затем я испытываю облегчение. Облегчение оттого, что они спешат не ко мне. Но это место, одиночество и почти полная тишина напоминают мне о том, что это может случиться в любую минуту. И что, возможно, это будет не так уж плохо. *В кого я превращаюсь?* Я умудряюсь любую тему переводить на себя. Я заиклена на себе и сломлена. Мое тело искалечено, но и мой разум быстро приближается к не менее ущербному состоянию.

Новое утро приносит с собой тишину. Кипящая деятельность вчерашнего вечера теперь всего лишь воспоминание. Должно быть, сейчас время посещения, потому что пришла Эйва, моя лучшая подруга. Я не заметила, как она появилась, но я рада ее визиту, и мой разум улыбается. Эйва способна переболтать всю Ирландию — мне редко удастся вставить хоть слово. Так что односторонняя беседа, когда она чешет языком, кажется приятно знакомой.

Мы с Эйвой дружим с шести лет. Мы ходили в один класс в школе и, даже несмотря на то что учились в колледжах в разных концах страны, всегда оставались близки. Я знаю ее так же хорошо, как знаю себя, и люблю ее во всех проявлениях. Но иногда ее способность сначала говорить, а потом думать шокирует меня. Как и сейчас.

— В общем, парень в соседней палате сыграл в ящик пару часов назад, — объявляет Эйва тоном диктора новостей с национального телевидения.

На дне моего почти пустого желудка скапливается немного рвоты. Этот человек был для меня незнакомцем, но его смерть как-то странно влияет на меня. Он был чьим-то сыном, мужем, может, даже отцом. А теперь он ушел, оставив дыру в сердцах любящих людей, там, где раньше была его улыбка. Я все еще здесь, все еще цепляюсь за жизнь, но тоже чувствую эту пустоту. Эту небольшую норку, которую я постепенно рою в сердцах всех, кого люблю.

— Нет, Лаура, правда, это место чертовски вгоняет в депрессию. Тебе нужно поскорее проснуться. Нет, я, конечно, знаю, что ты та еще соня, но тебе не кажется, что пора уже поднять веки и все такое? Ну давай, милая. Поддай знак, что ты все еще здесь. Я скучаю по тебе, — говорит Эйва.

Я бы закатила глаза и рассмеялась, если бы могла. Сарказм — второе имя Эйвы, и мне становится легко, когда я слышу одну из ее таких знакомых ужасных шуток.

Я уверена, что Эйва нервно ерзает и много ходит по комнате. Меня немного смущает, что ей так некомфортно из-за всей этой ситуации. *Интересно, у меня покраснели щеки?* Хотела бы я, чтобы она села и расслабилась. Ее голос все время раздается из разных уголков комнаты, и это вызывает у меня тошноту.

— Лаура, тебя нет рядом уже целую вечность. Мне нужно поделиться с тобой самыми важными за всю мою жизнь новостями, а ты даже не слушаешь.

Эйва придвигается на стуле ближе к моей постели и наклоняется ко мне. Я чувствую ее напряженное, тяжелое дыхание на своей подушке. Даже с закрытыми глазами я понимаю, что Эйва топчется на месте. *Боже, лучше бы она не ела чеснок на обег.*

— Ладно, — с запинкой произносит Эйва. — Я просто выложу все как на духу.

Интересно, что это за большие сенсационные новости? Может, Эйва сломала каблук и ее положат на соседнюю койку, чтобы она могла восстановиться от шока, или даже, может быть, что-то посерьезнее, например, она потеряла свою сумочку от *Prada* где-то в комнате ожидания? От таких новостей ее бы инфаркт хватил.

Я не нравлюсь самой себе. Обычно больше всего на свете я люблю посплетничать с Эйвой, но не сегодня. Сегодня это напоминает мне о том, что для всех остальных жизнь продолжается, а я заперта здесь.

Эйва глубоко вдыхает воздух и выпаливает:

— Я выхожу замуж.

Затем наступает долгая пауза, и я задаюсь вопросом, когда же Эйва рассмеется и скажет мне, что это шутка. Я понимаю, что ее руки судорожно теребят край моей постели, и догадываюсь, что она крутит кольцо на безымянном пальце.

— Ну, я знаю, что ты скажешь. Точнее, знаю, что бы ты сказала... Знаешь, если бы могла говорить и все такое... — Следует еще одна неловкая пауза, а затем Эйва громко прочищает горло. — Но Адам любит меня. Он полностью преодолел свою боязнь серьезных отношений. Предложение руки и сердца было таким романтичным. Намного лучше, чем попытка Марка. То, как он брякнул: «Давай распишемся» между глотком колы и укусом двойного чизбургера, вряд ли можно назвать романтическим жестом, как ты всегда это представляла, Лаура.

Эйва была права. Первое предложение Марка могло вызвать только смех, и я не восприняла бы его всерьез, даже если бы он щедро предложил мне откусить от его бургера, пока я обдумываю свой ответ. Но нам тогда было всего по восемнадцать, и хотя все было довольно скоротечно, я всегда знала, что хочу провести с ним остаток своей жизни. Мне пришлось подождать пару лет, чтобы получить сногшибательное предложение руки и сердца, о котором я всегда мечтала. Это было романтическое предложение при свечах, и я чуть не сказала «да» еще до того, как он успел задать вопрос.

Все вокруг замирает, пока Эйва стоит, нависнув надо мной. Я не могу понять, чего она ждет. Неужели она думает, что я резко вернусь к жизни, чтобы поздравить ее с этим нелепым решением? Я всегда держала при себе свое мнение об Адаме. Но для Эйвы я открытая книга и знаю, что мне даже не надо ничего *говорить* вслух. В их отношениях больше драмы, чем во всех сериях всех мыльных опер вместе взятых.

Эйва, похоже, никогда не устанет защищать Адама. Она любит говорить, что они прямо как настоящие Адам и Эйва. Мы все знаем, что она имеет в виду Еву, но никто еще не взял на себя смелость поправить ее. Нам всем хочется сохранить головы на плечах. Как и библейская пара, влюбившаяся в райском саду и столкнувшаяся с проблемами запретного плода, Эйва и Адам встретились в саду позади дома Молли Кио, когда в районе проходило летнее барбекю. Когда рукав кардигана Эйвы загорелся, Адам в попытке затушить огонь без сомнений и трезвых размышлений вылил на нее свою пинту сидра. Может, Адам не знал или, ослепленный паникой, моментально забыл, что алкоголь вызывает эффект, противоположный желаемому, когда попытался затушить пламя. Так и начались их не такие уж прекрасные отношения. Эйва настаивает на том, что их свела судьба. Остальные же считают, что причиной послужили жидкость для розжига и легкое отсутствие мозгов. Но одно точно: Эйву Кэссиди

и Адама О'Рурка всегда будут вспоминать в связи с событиями в яблоневоm саду.

Появление Марка прерывает мое путешествие по долине памяти. Я изо всех сил стараюсь улыбнуться. Я чувствую подрагивание где-то возле уха и почти уверена, что это мышцы, благодаря которым двигается мой рот. Я решительно настраиваюсь на то, что сегодня дам знать, что слышу его, но отвлекаюсь на женский голос, входящий в мою палату.

После того как некоторое время все общаются между собой, а я начинаю испытывать разочарование, Марк наконец переходит к вступлению:

— Лаура, милая, я ведь говорил, что приготовил тебе сюрприз.

Мое сердце начинает бешено колотиться... *Дети, он привел детей.*

— Ну... вот она, — объявляет Марк, возможно, указывая на что-то, этого я не могу сказать наверняка.

Я задерживаю дыхание и жду, что услышу агуканье Кэти.

— Здравствуй, Лаура, — раздается щебечущий женский голосок.

— Николь хотела с тобой увидеться. Разве не приятный сюрприз? — говорит Марк.

У меня сердце уходит в пятки. Мне кажется, что я не видела детей уже целую вечность. В качестве сюрприза я хочу видеть только их. Не Николь. Не эту стерву. Как мог Марк привести ее сюда? Он знает, как сильно я ее ненавижу. Я полжизни потратила, поливая ее грязью. *О чем он, к черту, только думал?* Мне хочется расплакаться. Какое-то время все молчат, а затем в палате звучат оживленные голоса. Я знаю, что Марк улыбается. И это злит меня еще больше.

— Никки просто невероятна, она помогает мне всю неделю. Не знаю, что бы я без нее делал. Она так за тебя волнуется.

— Мы все волнуемся, Марк, — сухо добавляет Эйва.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	7
Глава первая.....	9
Глава вторая	16
Глава третья	25
Глава четвертая.....	32
Глава пятая	41
Глава шестая	48
Глава седьмая.....	53
Глава восьмая.....	64
Глава девятая.....	74
Глава десятая.....	80
Глава одиннадцатая.....	89
Глава двенадцатая	97
Глава тринадцатая	108
Глава четырнадцатая.....	117
Глава пятнадцатая.....	133
Глава шестнадцатая.....	144
Глава семнадцатая.....	157
Глава восемнадцатая	159
Глава девятнадцатая	168
Глава двадцатая	185

Глава двадцать первая.....	191
Глава двадцать вторая.....	200
Глава двадцать третья	207
Глава двадцать четвертая	215
Глава двадцать пятая	221
Глава двадцать шестая.....	233
Глава двадцать седьмая.....	246
Глава двадцать восьмая.....	255
Глава двадцать девятая.....	266
Глава тридцатая.....	277
Глава тридцать первая.....	285
Глава тридцать вторая	293
Глава тридцать третья	304
Глава тридцать четвертая.....	313
Глава тридцать пятая	323
Глава тридцать шестая.....	330
Глава тридцать седьмая.....	337
Эпилог	356
Благодарности.....	363
Об авторе	364